

Социальные дилеммы и коллективная рациональность

Александр С. Кудинов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, kudinovasrus@yandex.ru*

Аннотация. В статье обсуждается совместимость рациональных действий на индивидуальном уровне с рациональностью на коллективном уровне. Эта проблема возникает в ситуациях принятия решений несколькими индивидами, когда результаты возможного рационального выбора индивида ограничены взаимодействиями с другими акторами. Подобные случаи взаимодействия встречаются в экономической теории, политологии, социологии, менеджменте и других областях наук, связанных с человеком и группой людей. Рассматриваются социальные дилеммы, которые появляются, когда все индивиды социальной группы ведут себя как «рациональные максимизаторы полезности», что мешает прийти к согласию и скоординировать свои действия. В связи с дилеммой «трагедия общего» обсуждаются пути преодоления несовместимости индивидуальной и коллективной рациональности в рамках новой институциональной политики как нового направления науки по управлению общественными ресурсами.

Ключевые слова: индивидуальная и коллективная рациональность, «невидимая рука», социальные дилеммы, «трагедия общего», институты самоуправления

Для цитирования: Кудинов А.С. Социальные дилеммы и коллективная рациональность // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2020. № 2. С. 20–33. DOI: 10.28995/2073-6401-2020-2-20-33

Social dilemmas and collective rationality

Aleksander S. Kudinov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, kudinovasrus@yandex.ru*

Abstract. The article discusses the compatibility of particular rational actions at the individual level with the rationality as such at the collective one. The issue arises in decision-making collisions by several individuals, when the results of a possible rational choice of an individual are restricted by interac-

tions with other actors. Such cases of interaction are found in the economic theory, political science, sociology, management and other areas of science related to a person and a group of people.

The article examines the social dilemmas that are obvious when all individuals in a social group behave as «rational maximizers of utility» what makes it difficult to come to mutual agreement and coordinate their actions.

In respect to the «tragedy of the common» dilemma, the author discusses ways of overcoming the incompatibility for individual and collective rationality within the framework of a new institutional policy, as a new direction of science in the public resources management.

Keywords: individual and collective rationality, invisible hand, social dilemmas, tragedy the common, self-government institutions

For citation: Kudinov, A.S. (2020), “Social dilemmas and collective rationality”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 2, pp. 20-33, DOI: 10.28995/2073-6401-2020-2-20-33

Введение

Рациональность – одна из основных социально-культурных ценностей. Век назад М. Вебер говорил об исторической тенденции «рационализации», и мало кто оспаривает этот тезис. Рациональность имеет много сторон и проявлений. Обычно различают теоретическую и практическую рациональности. Научное познание и экономическая деятельность предстают наиболее ясными реализациями этих двух видов рациональности. Получение объективного знания невозможно без использования рациональных методов. Без опоры на рациональный расчет человек не мог бы эффективно действовать в хозяйственной жизни.

Природе научной рациональности, историческому изменению ее норм и типов посвящено немало работ. Меньше внимания в нашей литературе отводится практической рациональности. Между тем в последние десятилетия здесь обнаружилось немало проблем. Одной из центральных является проблема соотношения индивидуальной и коллективной рациональности. Последняя относится к виду практической рациональности, проявляемой в ситуациях принятия решений несколькими индивидами, когда потенциально полезные результаты возможного рационального выбора индивида ограничены взаимодействиями с другими людьми, которые имеют свои собственные предпочтения. Как можно объяснить трансляцию рациональности с индивидуального уровня на уровень коллективных решений? Учитывая предположе-

ние, что индивидуальные действия руководствуются собственными интересами, как можно объяснить коллективное действие? При каких обстоятельствах рационально действующий индивид может присоединиться к взаимозависимым коллективным действиям? Является ли коллективная рациональность совокупным понятием индивидуальной рациональности или оно обозначает что-то иное?

Классические решения проблемы

В классической социально-экономической мысли проблема соотношения индивидуальной и коллективной рациональности решалась с позиции методологического индивидуализма. Хотя это понятие было введено в оборот в начале XX в. австрийским экономистом Й. Шумпетером, оно имело глубокие идейные корни. Другой известный представитель австрийской экономической школы и социальный теоретик Ф. Хайек в работе «Индивидуализм и экономический порядок» связывает индивидуализм с британской традицией Просвещения, с такими его представителями, как Дж. Локк, Б. Мандевиль, Д. Юм, А. Фергюсон и А. Смит. По Хайеку, суть методологического индивидуализма состоит в том, что «нет другого пути к объяснению социальных феноменов, кроме как через наше понимание индивидуальных действий, обращенных на других людей и исходящих из их ожидаемого поведения» [Хайек 2000, с. 27]. При этом такой подход не подразумевает постулирование того, что мир состоит из «атомизированных» индивидов, свободных от своей социальной природы. Британские философы рассматривали последнюю через призму аффектов и желаний, владеющих индивидом и определяющих его поступки. Разум играет здесь производную роль, что означает, что люди – существа далеко не рациональные. Этот реалистический взгляд на человеческую природу был присущ и А. Смиту и являлся исходным пунктом концепции *homo economicus*. Будучи изначально таким, какой он есть, человек тем не менее вынужден поступать в хозяйственной жизни рационально, «экономично», преследуя прежде всего собственный интерес. Таким образом, индивидуально человек в этой сфере действует рационально. Но как происходит переход рациональности с индивидуального уровня на коллективный уровень? Эту проблему А. Смит решал с помощью объяснения механизма конкурентного рынка, благодаря которому частные интересы отдельных людей приходят в соответствие с интересами общества в отсутствии диктата центральной власти. Не забота о благе других людей за-

ставляет мясника или булочника предлагать людям качественные продукты, разъясняя этот механизм А. Смит, но их стремление получить больше прибыли. Также действуют и их конкуренты, что приводит к производству хороших товаров и не дает расти ценам на них. В результате «невидимая рука» рынка ведет эгоистических индивидов к общественному благу: в хозяйственной деятельности человек:

...имеет в виду лишь свой собственный интерес, преследует собственную выгоду, причем невидимой рукой направляется к цели, которая совсем и не входила в его намерения... Преследуя свой собственный интерес, он часто более действенным образом служит интересам общества, чем тогда, когда сознательно стремится к этому [Смит 1962, с. 332].

С британской политической экономией, идущей от А. Смита, тесно связана этико-правовая концепция утилитаризма, родоначальником которой был И. Бентам. Он считал, что этику можно превратить в рациональную науку, в «моральную арифметику». Вместо смутных понятий добра и зла Бентам использовал более четкие категории – удовольствие и страдание. При этом он считал, что перед выбором действия индивид способен рационально оценить количество удовольствий и страданий, или пользы и издержек, от его свершения. В отличие от А. Смита, он не апеллировал к «невидимой руке», полагая, что правовыми методами можно предостеречь людей от нерациональных поступков. В результате у него получалось, что рациональные действия индивидов приводят к рациональному результату на коллективном уровне – «максимальному счастью для максимального числа людей». Эта знаменитая формула вызывала немало насмешек. Между тем максимизация полезности как достаточно универсальный принцип прочно вошел в концепцию практической рациональности. Современный теоретик права оценивает это так:

Бентам был одним из наиболее ранних и до последнего времени единственным мыслителем, который полагал, что люди действуют рационально, максимизируя свою полезность в любой сфере жизни. Другими словами, он считал, что экономическая модель, которая, если посмотреть на нее подобным образом, является лишь детализацией предпосылки о том, что люди ведут себя рационально и максимизируют свою полезность, может быть применена ко всему спектру человеческой деятельности, а не ограничена явными рынками [Познер 2004, с. 313].

В отличие от британских мыслителей, М. Вебер, «социолог, с именем которого в наибольшей степени связана попытка отследить механизм и постигнуть суть всепроникающей рациональности» [Геллнер 2003, с. 189], не связывал рациональность с природой человека. Он считал, что в основе приверженности людей к новоевропейскому типу рациональности, стимулировавшему развитие экономики и науки, лежит непредвиденный поворот в развитии конкретной религиозной традиции – протестантизма. Вместе с тем он также исходил из методологического индивидуализма и скептически относился к коллективным понятиям типа духа времени или характера народа. Основой его теории является выделение четырех идеальных типов социального действия: целерационального, ценностно-рационального, традиционного и аффективного. Эта типология позволяет более точно объяснить, как происходит процесс модернизации и «рационализации» западной культуры: это развитие, характеризующееся ростом числа сфер деятельности, в которых преобладают целерациональные действия индивидов. По Веберу, это происходит в таких областях, как хозяйственная жизнь, бюрократическое управление, наука. В этих сферах индивидуальная рациональность многих социальных агентов агрегируется в возрастающую коллективную рациональность. Стоит отметить, что Вебер смотрел на этот процесс глазами пессимиста: он считал его исторически необходимым, но загоняющим жизнь людей в «железную клетку» рациональности.

В середине XX в. важные идеи о соотношении индивидуальной и коллективной рациональности предложил Ф. Хайек, продолживший на новом уровне британскую традицию социально-экономической мысли. Он не отрицал значение критического использования разума и тот факт, что оно способствовало ускоренному развитию европейской цивилизации. Однако он критиковал конструктивистский рационализм, возведший рациональность в ранг высшей инстанции и искаживший ее значение. В своей книге «Контрреволюция науки. Этюды о злоупотреблениях разума» [Хайек 2003] к сторонникам конструктивистского рационализма он отнес таких мыслителей, как Декарт, Руссо, Сен-Симон, Гегель и Маркс. У них он обнаруживает идеалы рационально построенного и управляемого социума, а все то, что не подчиняется рациональному конструированию, рассматривается как нечто порочное, показывающее свою иррациональность. Этому Хайек противопоставляет критический рационализм британских мыслителей, из современных концепций ему ближе всего критический рационализм К. Поппера [Кубеду 2008, с. 330]. Одной из ключевых идей социальной философии Хайека является концепция «спонтанного порядка». Специфика

«спонтанного порядка» заключается в том, что он не создается на основе рационального плана, а представляет собой результат действий многих людей, преследующих собственные цели. Примерами таких «спонтанных порядков», то есть самоорганизующихся систем, являются мораль, общее право, деньги, рынок и пр. Хайек называет спонтанный порядок «вероятно, величайшим открытием из всех, когда-либо совершенных человечеством» [Hayek 1976, p. 136]. Наиболее ярким воплощением спонтанного порядка является рынок в силу того, что он принципиально отличается от управляемых сверху централизованных структур, таких как армия или школа. Рынок видится Хайеку как сложный институт, позволяющий наиболее полно аккумулировать информацию, рассеянную среди множества индивидов. Первоначально концепция рассеянного знания была изложена им в статье «Экономическая теория и знание» (1936), а в дальнейшем получила развитие в работе «Использование знания в обществе» (1945). Эту концепцию Хайек также называл концепцией разделения знания по аналогии с концепцией разделения труда А. Смита. Суть концепции рассеянного знания заключается в том, что социально-экономическое знание есть разнообразие локальных фактов и мнений, которые не существуют в едином виде, а являются рассеянными между индивидами и применяются в индивидуальных действиях. Рынок как спонтанный порядок переводит эти действия в наиболее эффективный результат. В итоге возникает картина, сходная с «невидимой рукой» А. Смита:

...спонтанное взаимодействие множества людей, где каждый обладает только небольшой крупницей знаний, порождает такое положение дел, которое могло бы быть создано лишь под сознательным руководством некоего существа, обладающего совокупным знанием всех этих индивидов [Хайек 2000, с. 66].

Между тем механизм рынка и другие сходные социальные институты формируются не неким рациональным суперсуществом, а возникают спонтанно в процессе социальной эволюции. Последнюю Хайек в своих поздних работах трактует подобно биологической эволюции. Различные правила и нормы человеческого поведения, не прошедшие сквозь эволюционный фильтр, подвергаются отсеву. В результате выживают и закрепляются успешные институты и практики. В этой картине важно то, что коллективная рациональность не должна внедряться «сверху» в виде нового Левиафана или же рационального проекта идеального сообщества. Вместе с тем критики концепции Хайека отмечают, что его концепция слишком оптимистична и напоминает «панглоссианизм» Вольтера,

поскольку эволюционные механизмы без сознательных действий людей обеспечивают жизнь в лучшем из возможных институциональных миров.

Этот краткий обзор показывает, что классики социально-экономической мысли совмещали защиту индивидуальных свобод и одновременно поиск таких институтов, которые могли бы побуждать рациональных индивидов, преследующих собственные интересы, содействовать благу всего общества. Главным механизмом в этом им виделся конкурентный рынок, посредством которого люди приходят к созданию взаимовыгодных благ.

Социальные дилеммы: оборотная сторона «невидимой руки»

С середины XX в. непроблематичный перенос рациональности с индивидуального на коллективный уровень стал ставиться под сомнение. Ряд исследователей выявили в этом проблемы, которые уже не разрешались апелляцией к «невидимой руке». Наиболее значительными из них являются следующие. В 1950 г. американские специалисты по теории игр М. Флуд, М. Дрешер и Э. Таккер разработали игру, которая получила название «дилемма заключенного». В ней два индивида, следующие логике рациональной максимизации полезности, в итоге получают далекий от возможного оптимального решения результат. В 1965 г. вышла книга М. Олсона «Логика коллективных действий» [Олсон 1995], в которой он поставил под сомнение традиционную точку зрения, что индивиды, объединенные в группы с общими целями, стремятся реализовать коллективное благо. В 1968 г. американский биолог и эколог Г. Хардин в ставшей знаменитой статье «Трагедия общин» [Хардин 2020] описал сценарий, в котором сообщество рационально действующих людей приходит в итоге к разрушению условий своей жизни.

Общим для всех этих моделей является то, что в них рациональный выбор индивида взаимосвязан с рациональными выборами других людей. Их также часто называют социальными дилеммами, поскольку они позволяют анализировать множество ситуаций в реальной социальной жизни. Дилемме заключенного посвящена огромная литература, здесь можно отметить лишь то, что в ходе ее обсуждения возник вопрос о соизмеримости коллективной и индивидуальной рациональности. Известный канадский специалист российского происхождения по теории игр А. Раппопорт в ходе анализа этой дилеммы предположил, «что концепция “рациональности” должна быть пересмотрена и, возможно, разде-

лена на две концепции, индивидуальную рациональность и коллективную рациональность» [Rapoport 1974, p. 4]. Стоит отметить, что первым использовал понятие «коллективная рациональность» Дж. Бьюкенен [Buchanan 1954], один из классиков так называемого «экономического империализма» – направления, в котором модель рационального экономического выбора распространяется на социальные и политические области. В своей теории общественного выбора Бьюкенен реализовал такую основную идею:

Политика есть сложная система обмена между индивидами, в которой последние коллективно стремятся к достижению своих частных целей, так как не могут реализовать их путем обычного рыночного обмена. Здесь нет других интересов, кроме индивидуальных. На рынке люди меняют яблоки на апельсины, а в политике – соглашаются платить налоги в обмен на необходимые всем и каждому блага: от местной пожарной охраны до суда [Бьюкенен 1997, с. 23].

В парадигме экономического империализма работал и М. Олсон, стремившийся объяснить, как группа людей может реализовать общее благо, если каждый из членов группы является рациональным индивидом, преследующим собственные интересы. Применяя эту модель к группам разного размера, он пришел к выводу, что малые группы могут осуществлять коллективную деятельность гораздо эффективней, чем большие, поскольку в них возможен взаимный контроль за вкладами индивидов в общее дело. В больших же группах их члены, создавая и пользуясь коллективным благом, несут небольшие затраты. В результате неизбежно появление «безбилетников» или «халявщиков» (free-riders) – людей, которые потребляют общее благо, не прилагая усилий для его создания. Чем больше группа, тем она менее эффективна, и тем больше в ней «безбилетников». Олсон считает, что существует два основных способа рациональной организации большой группы. Во-первых, это объединение малых групп в виде федерации и, во-вторых, организация большой группы средствами малой группы, которая может стать ядром, обладающим значительным ресурсом и средствами надзора (принуждения) над остальными участниками группы. В подтверждение своих выводов Олсон рассматривает историю развития профсоюзов и партий, где складываются эти формы организации и возникает «всеобщая тенденция к принуждению» [Олсон 1995, с. 129].

В названной выше работе Г. Хардина в основном речь в мальтузианском духе идет о необходимости остановить рост населения Земли в условиях ограниченности природных ресурсов. Но там есть сюжет, который имеет непосредственное отношение к дилем-

ме коллективной рациональности. Начинает его Хардин с упоминания А. Смита:

С выходом его книги «Богатство народов» (1776) в экономическую науку было введено понятие «невидимой руки» – идея о том, что индивида, «стремящегося лишь к собственной выгоде», «направляет в сторону общественного интереса... невидимая рука». Адам Смит не утверждал, что это происходит во всех случаях; то же самое, вероятно, можно сказать и о его последователях. Однако он способствовал возникновению в научной мысли тенденции, которая стала с тех пор господствующей и которая препятствует активным действиям, основанным на логическом анализе – речь идет об идее, будто решения, принимаемые на индивидуальном уровне, являются наилучшими и с точки зрения общества в целом [Хардин 2020].

И далее Хардин показывает, что отмеченная тенденция отвлекает внимание от важного круга социальных ситуаций, в которых ориентация рациональных индивидов на собственные интересы приводит в результате к разрушению их коллективного блага. В качестве примера он приводит сценарий, в котором сообщество рациональных скотоводов пользуется общим пастбищем. Благополучие каждого из них определяется количеством его коров. Будучи человеком рациональным, каждый владелец хочет максимизировать собственную выгоду и оценивает пользу от увеличения своего стада на одну корову. Весь доход от этого идет ему, а убыток, связанный с дополнительной нагрузкой на пастбище от выпаса еще одной коровы, распределяется на всех скотоводов.

Сопоставив компоненты полезности, рационально мыслящий скотовод приходит к выводу: единственный разумный способ действия для него – это увеличить стадо еще на одно животное. Потом еще на одно, и еще... Но к точно такому же выводу приходят все рационально мыслящие скотоводы, пользующиеся общим пастбищем. Отсюда и возникает трагедия. Свободное пользование общими ресурсами оборачивается всеобщим разорением [Хардин 2020].

Хардин приводит и другие примеры общих ресурсов или коллективных благ: это вылов рыбы в общем водоеме, эксплуатация национальных парков и т. п. Для общего блага характерно то, что если оно открыто для одного индивида, то им могут пользоваться и все другие члены сообщества. Важно отметить, что в таких социальных ситуациях индивидуальная и коллективная рациональности приходят к противоречию. Проявляется своего рода оборотная,

негативная сторона «невидимой руки», когда следование индивидуальной рациональности ведет не к росту коллективного блага, а его истощению или разрушению. Собственный подход Хардина к решению таких социальных дилемм не отличается ясностью. Он верно считает, что нельзя уповать на призывы к сознанию людей и предлагает принцип «взаимного вмешательства, осуществляемый по общему согласию», дополненный некоторым властным органом. Но как можно достичь этого «общего согласия», своего рода социального контракта между рациональными индивидами, остается неясным.

Коллективная рациональность как следствие самоорганизации

Казалось бы, социальные дилеммы типа «трагедии общего» можно решать с помощью хорошо продуманного внешнего рационального управления. Однако на деле это не так просто. Немецкий специалист по компьютерному моделированию Д. Дернер в своей книге «Логика неудачи» описывает такую историю [Дернер 1997, с. 12–13]. Он предложил двум коллегам, профессиональному экономисту и физику с ученой степенью, которые критиковали местную власть за неумение управлять городским хозяйством, помочь бедному африканскому племени моро, чья жизнь моделировалась стратегической компьютерной игрой. Это бедное полукочевое племя жило выпасом скота около небольших водоемов и немного выращивало просо. Велика была детская смертность, коровы часто погибали от укусов мух цеце. В качестве средств управления можно было бурить колодцы для орошения пастбищ и посевов проса, основать медицинскую и ветеринарную помощь. Коллеги основательно обдумали план действий и стали его осуществлять в течение 20 лет, которые компьютер спрессовал в два часа. Вначале жизнь племени заметно улучшилась. В результате орошения расширились пастбища, члены племени увеличили свои стада. Медицина увеличила численность моро.

Однако постепенно пастбищ стало не хватать. Луга истощились, от голода скот объедал корни, уменьшился растительный покров. Бурение дополнительных колодцев помогло только на короткое время, а затем привело к исчезновению запасов грунтовых вод. В конце концов население оказалось в безвыходной ситуации. Спасти моро можно было только с помощью извне [Дернер 1997, с. 13].

Централизованное управление общими ресурсами вряд ли может быть эффективным. Но и перевод общих ресурсов в част-

ную собственность не может быть решением проблемы: как быть с общим побережьем моря, у которого рыбаки ловят рыбу, или с рекой в случае орошаемого земледелия? Вместе с тем нельзя считать, что «трагедия общих ресурсов» является неизбежной. Если бы это было так, то леса, пастбища, водоемы с рыбой уже давно бы исчезли. Однако в различных странах и регионах длительное время существуют сообщества, которые коллективно используют общие ресурсы, сохраняя и эффективно используя их.

Весьма убедительные теоретические модели, объясняющие, как это происходит, разработала Э. Остром, первая женщина, получившая нобелевскую премию по экономике в 2009 г. В своей работе «Управляя общим. Эволюция институтов коллективной деятельности» [Остром 2010] она показала, что наиболее эффективно управлять общими ресурсами могут те люди, которые их используют, а не административные органы. По мнению Остром, сторонники административных способов искажают проблему общих ресурсов по следующим причинам. Они считают, что индивиды, использующие эти ресурсы, способны лишь к краткосрочной максимизации, но не способны к пониманию долгосрочной стратегии их поддержания и улучшения. Индивиды также рассматриваются как находящиеся в ловушке, из которой они не могут выбраться без центральной власти. Правила и институты, которые могут выработать сами индивиды, изначально считаются неэффективными. Для опровержения этой картины Остром приводит обширные эмпирические исследования успешного решения «дилеммы общих ресурсов» самими людьми в разных регионах мира. Это, например, использование альпийских лугов и лесов жителями швейцарских деревень, аналогичный опыт японских горных общинных угодий, коллективные системы орошаемого земледелия в испанской Валенсии и на Филиппинах, успешные самоуправляемые институты прибрежного рыболовства в районе турецкой Алании. «Эти примеры с большой убедительностью показывают наличие принципиальной возможности (но не гарантированности) существования робастных (т. е. устойчивых. – А. К.) самоуправляемых институтов, пригодных для работы со сложными ситуациями, возникающими в ходе эксплуатации общественных ресурсов» [Остром 2010, с. 199]. Достоинством такой самоорганизации является также то, что в ней решается проблемы «безбилетника» и «оппортунизма», характерные для коллективного действия. Это происходит потому, что

...участники сами проектируют свои контракты, учитывая информацию, которой они обладают. Владельцы стад, использующие год за годом один и тот же луг, имеют подробную и относительно точную информацию о его пастбищной мощности. Они наблюдают за поведением

ем других владельцев стад и имеют стимулы сообщать о нарушениях контракта. Поскольку это будет в их собственных интересах, стороны, которые вели переговоры по контракту, будут следить друг за другом, сообщая о случаях его нарушения, так что контракт предполагает принуждение к его выполнению [Остром 2010, с. 49–50].

Вместе с тем Остром считает, что нет априорных моделей самоуправления общими ресурсами, многое здесь зависит от местных условий и традиций. Также нет гарантий, что попытки самоорганизации приводят к успеху. Например, в отличие от Алании существующие правила прибрежного рыболовства в турецких районах Бодрума и Измира привели к истощению ресурсов и конфликтам между различными группами рыбаков [Остром 2010, с. 275–278].

На основе примеров успешного самоуправления общими ресурсами Остром выделяет ряд норм и правил, которые нужно реализовать [Остром 2010, с. 175]:

- определить границы общего ресурса и ограничить его внешнее использование;
- установить правила по присвоению общих ресурсов, подходящие к местным условиям;
- выработать коллективные способы принятия решений;
- производить эффективный контроль со стороны наблюдателей, которые сами являются участниками общественного ресурса;
- установить ограничения и наказания для нарушителей;
- найти легкие и дешевые способы разрешения конфликтов;
- сообщество должно быть признано органами власти.

Характерно, что в приведенной выше цитате используется термин «контракт». Это, конечно, не нужно понимать в буквальном смысле, что сообщество индивидов садится за стол и подписывает кипу бумаг. Нередко правила, входящие в такой контракт, имеют многовековую историю, как в случае с альпийскими пастбищами. Тем не менее такие контракты не могут возникнуть благодаря «невидимой руке», действующей за спиной рациональных индивидов. Эти индивиды должны коллективно осознать, что ограничение краткосрочной максимизации выгоды в использовании общих ресурсов приведет к увеличению ожидаемой полезности для каждого из них в долгосрочной перспективе. В принципе «трагедия общин» сводится к «дилемме заключенных» с многими игроками. Если эти игроки не сотрудничают, то все они получают худший результат, чем при координации своих действий. Поэтому индивидам рационально соблюдать нормы и правила самоорганизации, и в этом плане можно говорить о коллективной рациональности, возникающей и существующей в таком сообществе.

Заклучение

Понятие рациональности можно связывать не только с мышлением, но и с действиями людей. Несложно оценить рациональность индивидуальных действий. Но когда индивиды включаются в совместную, коллективную деятельность, возникает немало социальных дилемм, анализ которых важен и в теоретическом, и практическом отношении. В классической экономической и социальной мысли, как было показано, эти дилеммы не привлекали внимания. С одной стороны, считалось рациональным централизованное управление, с другой – совмещение индивидуальных и общих интересов невидимой рукой рынка. Однако централизованное управление чревато насилием, а у невидимой руки проявилась оборотная сторона. В решении социальных дилемм ключевым является вопрос о сотрудничестве без принуждения – как рациональном выборе самих участников коллективного действия. И современные теоретические модели, и реальный опыт показывают, что такие решения возможны, хотя успех в этом деле не гарантирован.

Литература

- Бьюкенен 1997 – *Бьюкенен Дж.* Конституция экономической политики // Бьюкенен Дж. Сочинения. М.: Таурис Альфа, 1997. 560 с. (Серия «Нобелевские лауреаты по экономике»)
- Геллнер 2003 – *Геллнер Э.* Разум и культура. Историческая роль рациональности и рационализма. М.: Московская школа политических исследований, 2003. 252 с.
- Дернер 1997 – *Дернер Д.* Логика неудачи. М.: Смысл, 1997. 237 с.
- Кубедду 2008 – *Кубедду Р.* Политическая философия австрийской школы. М.: Челябинск: ИРИСЭН: Мысль: Социум, 2008. 383 с.
- Олсон 1995 – *Олсон М.* Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп. М.: Фонд экономической инициативы, 1995. 165 с.
- Остром 2010 – *Остром Э.* Управляя общим. Эволюция институтов коллективной деятельности. М.: ИРИСЭН, 2010. 447 с.
- Познер 2004 – *Познер Р.* О применении экономической теории и злоупотреблении ею при анализе права // Истоки. Экономика в контексте истории и культуры. М.: ВШЭ, 2004. С. 312–348.
- Смит 1962 – *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Соцэкгиз, 1962. 688 с.
- Хайек 2000 – *Хайек Ф.* Индивидуализм и экономический порядок. М.: Изограф, 2000. 256 с.
- Хайек 2003 – *Хайек Ф.* Контрреволюция науки. Этюды о злоупотреблениях разумом. М.: ОГИ, 2003. 288 с.
- Хардин 2020 – *Хардин Г.* Трагедия общин [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/book/hardin_garret/tragediya_obshchin.html (дата обращения 22 апреля 2020).
- Buchanan 1954 – *Buchanan J.* Social choice, democracy, and free markets // Journal of Political Economy. V. 62, no. 2. Apr., 1954. p. 114-123.

- Hayek 1976 – *Hayek. F.A. The Mirage of Social Justice*. L., Chicago: University of Chicago Press. 1976, 307 p.
- Rapoport 1974 – *Rapoport A. Game Theory as Theory of Conflict Resolution*. Dordrecht, Boston: Reidel. 1974. 289 p.

References

- Buchanan, J. (1954), “Social choice, democracy, and free markets”, *Journal of Political Economy*, vol. 62, no. 2, Apr., pp. 114-123.
- Buchanan, J. (1997), “Constitution of economic policy”. *Sochineniya* [The Works], Taurus Al'fa, Moscow, Russia. (“Nobel laureates in Economics” Series)
- Derner, D. (1997), *Logika neudachi* [Logic of failure], Smysl, Moscow, Russia.
- Gellner, E. (2003), *Razum i kul'tura. Istoricheskaya rol' ratsionalnosti i ratsionalizma*. [Reason and Culture. The Historic Role of Rationality and Rationalism], Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy, Moscow, Russia.
- Hardin, G. (2020), *Tragediya obshchin* [The Tragedy of commons], available at: https://royallib.com/book/hardin_garret/tragediya_obshchin.html (Accessed 22 April 2020).
- Hayek, F. (1976), *The Mirage of Social Justice*, University of Chicago Press, Chicago, USA.
- Hayek, F. (2000), *Individualizm i ekonomicheskii poryadok* [Individualism and economic order], Izograf, Moscow Russia.
- Hayek, F. (2003), *Kontrrevolyutsiya nauki. Etyudy o zloupotrebleniyakh razuma* [The counter-revolution of science. Etudes on the abuse of reason], OGI, Moscow, Russia.
- Kubeddu, R. (2008), *Politicheskaya filozofiya avstriiskoi shkoly* [Political philosophy of the Austrian school], IRISEN, Mysl', Sotsyum, Moscow, Russia.
- Olson, M. (1995), *Logika kollektivnykh deistvii. Obshchestvennye blaga i teoriya grupp*. [The Logic of collective action. Public goods and the theory of groups], Fond ekonomicheskoi initsiativy, Moscow, Russia.
- Ostrom, E. (2010), *Upravlyaya obshchim. Evolyutsiya institutov kollektivnoi deyatel'nosti* [Governing the common. Evolution of institutions for collective action], IRISEN, Moscow, Russia.
- Posner, R. (2004), “On the application of economic theory and its abuse in the analysis of law”, *Istoki. Ekonomika v kontekste istorii i kul'tury*, VHSЕ, Mosco., Russia, pp. 312-348.
- Rapoport, A. (1974), *Game Theory as Theory of Conflict Resolution*, Reidel, Dordrecht, Boston.
- Smith, A. (1962), *Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva narodov* [Research on the nature and causes of the wealth of peoples], Sotsekgiz, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Александр С. Кудинов, соискатель, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; kudinovasrus@yandex.ru

Information about the author

Aleksander S. Kudinov, applicant, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993, kudinovasrus@yandex.ru